

О. И. Смирнова

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КУЛЬТАХ

(О КУЛЬТАХ АРТАВАХИШТЫ И МИТРЫ
ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ)¹

Не приходится сомневаться в том, что топонимика — один из важнейших источников изучения формирования этнического состава страны, материальной и духовной культуры ее населения. Топонимика Средней Азии в этом отношении не исключение.

Нам уже приходилось отмечать значение среднеазиатской топонимики как источника для суждения о местных культурах. Этому вопросу была посвящена статья, в которой рассматривались топонимы, восходящие к названиям храмов (согд. βуп) и к именам божеств (согд. βу-) типа Вагкат (согд. *βукт) — «Кат (дом) Бога» и Хурбагн (согд. *уогβуп) — «Храм Солнца» или Хурбагна (согд. *уогβуп') — «Принадлежащее Храму Солнца» (о селении, принадлежащем храму)².

Здесь в том же плане рассматриваются два других топонима: название средневекового хорезмийского с. Арсахушмисан и современного верхнезеравшанского с. Урмитан, этимологии которых мы уже касались³. Эти два названия содержат один и тот же общий им компонент мисан/митан и оба они принадлежат, очевидно, к более глубокому топонимическому слою, чем рассмотренные ранее.

Компонент мисан/митан, образовавший интересные нас топонимы, как известно, восходит к древнеиранскому шаёшапа — «обитель, жилище» (равно богов и людей)⁴, поздними отражениями которого являются парфянское теһеап, согдийское -тудп и сохранившее свое самостоятельное значение новоперсидское теһап («родина»). Судя по данным письменных источников закрепление этого компонента в качестве топоформанта в среднеазиатской топонимике относится не позднее, чем к парфянскому времени. Названия, образованные им, были особенно широко распространены в районах по Зеравшану и в Хорасане.

1. Арсахушмисан — это название засвидетельствовано в мусульманских источниках в разных вариантах (графически закономерных), а именно: Ардахушмисан, Артахушмитан, Арсахушмисан, Рахушмисан и Хушмисан. Два последних варианта (Рахушмисан и Хушмисан) представляют позднейшие сокращения первых, третий (Арсахушмисан) за-

¹ Доложено 12 июня 1970 г. в отделе Средней Азии ЛО ИЭ АН СССР.

² О. И. Смирнова, Места домульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики), «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель, 1970 г.», Л., 1970, стр. 92—93; ее же, Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана, МИА, № 15, 1950, стр. 60—61.

³ О. И. Смирнова, К вопросу о среднеазиатских культурах (из среднеазиатской топонимики), «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель, 1970 г.», Л., 1970, стр. 92—93; ее же, Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана, МИА, № 15, 1950, стр. 60—61.

⁴ Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, Kol. 140.

свидетельствован в географическом словаре Иакута и в записке Ибн Фадлана⁵. И только у Истахри в перечне правобережных селений Хорезма Ардахушмйтан и Хушмйсан упомянуты рядом⁶. Однако в дорожнике, приведенном тем же Истахри, название «Хушмйсан» отсутствует.

Впервые этимологией названия «Арсухушмйсан» заинтересовался в конце прошлого века Т. Нёлдеке, высказавший предположение, что первая его часть, Арсахуш, вероятно, является сочетанием авестийского arta («чистый») и персидского хуш («хороший») с кратким гласным вместо долгого⁷. Составитель словаря иранских имен собственных Ф. Юсти в этой первой части названия видит хорезмийское имя собственное и соответственно этимологизирует его в целом как «место жительства (хорезмийца) Арсахуша»⁸. Позже к этимологии топонима Арсахушмйсан никто, насколько мне известно, не возвращался. Если исходить из предложенной Ф. Юсти этимологии, с Арсахушмйсан должно было в свое время принадлежать хорезмийцу Арсахушу, по имени которого оно стало называться. Вывод вполне допустимый: название аналогичного происхождения засвидетельствованы для разного времени. Напомним о засвидетельствованных парфяньских документах из Нисы.

И все же содержание названия «Арсахушмйсан», надо думать, иное. В его первой части, Арсахуш, следует видеть не имя человека, владевшего Арсахушмйсаном, а имя божества авестийского Арта Вахишта (Arta Vahišta)⁹, к нему же восходит имя зороастрийского жреца (мобеда), зафиксированное в том же словаре Ф. Юсти¹⁰.

Авестийское «Арта Вахишта» дословно значит «Лучшая праведность». В Авесте оно выступает в двух значениях: как понятие религиозное и как персонифицирующее это понятие божество, его божественная ипостась. Авестийскому Арта Вахиште, как известно, был посвящен второй месяц и третий день зороастрийского календаря. В Согде, как и в Иране, соответственно этому календарю, Арта Вахиште тоже был посвящен третий день второго месяца согдийского календаря, а в Хорезме — не только третий день, но и второй месяц хорезмийского календарного года, который считался месяцем расцвета растительного мира, олицетворяемого этим божеством¹¹. Следовательно, оно почиталось не только персами в Иране, но и их северо-восточными соседями: хорезмийцами и согдийцами. О том, что божество «Лучшей праведности» почиталось не только в Иране, но и в Средней Азии, мы можем судить и по кушанским монетам. Надписи на них содержат имена божеств кушанского пантеона, в том числе божества Ардахшо, имя которого, без сомнения, отражает в условной графике монетных надписей авестийское Арта Вахишта. Почитали его и парфяне. Сохранился отрывок парфяно-согдийского словарика, в котором парфяньское rdywhušt поясняется согдийским rtxwšt βϣϣ, т. е. «Артахушт-бог»¹². Согласно жреческой традиции, это

⁵ В. В. Бартольд, «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», Соч., т. 1, М., 1963, стр. 203, 204, 211; А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 122.

⁶ «Bibliotheca geographorum arabicorum», I. Leiden, 1929, p. 299.

⁷ Th. Nöldeke, Über iranische Ortsnamen auf kert und andere Endungen, «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», 33, Leipzig, 1879, S. 154.

⁸ F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, S. 39.

⁹ Bartholomae, Указ. раб., стл. 229 и сл.

¹⁰ Justi, Указ. раб., стр. 38. С тем же божеством, видимо, связано имя хорезмийского царя первой четверти VIII в. Арсамұх («Праведный наставник»), состоящее из двух частей: арса- (из авест. arta — «чистый») и -мух (-mōu) — «жрец», «наставник».

¹¹ Известная нам номенклатура дней месяца согдийского и хорезмийского календаря соответствует персидской зороастрийской (так называемого солнечного) календаря, тогда как месяцы согдийского календаря отражают другую, пока не известную нам календарную систему.

¹² См. W. B. Henning, Sogdica, London, 1940, p. 27. (фрагмент d, стрк. 19).

божество было хранителем законов Ормузда (Ахура Мазды) в его небесной обители, а на земле — хранителем его священного огня. Бируни именует Артахушта «Ангелом огня и божественного света» (малик ан-нār ва-н-нūr)¹³.

Все изложенное, равно как и распространенность в местной топонимике названий, восходящих к названиям местных храмов типа упомянутого выше Хурбагн, дает основание предположить, что хорезмийское Арсахушмйсан содержит отнюдь не имя хорезмийца, владельца селения, а имя авестийского (зороастрийского) божества Арта Вахишты «Лучшей праведности», — Ардахшо на монетах, называемого согдийцами Артахушт багй (ʾrtwšt/ʾrtxwšt βγυ), а хорезмийцами — Арсахуш. А если это так, то, как и в ряде аналогичных случаев, хорезмийское Арсахушмйсан «Обитель Арсахуша» было первоначально названием храма, посвященного этому божеству — Арта Вахиште «Лучшей праведности». С течением времени название храма перешло на постепенно разраставшееся поселение при храме, превратившееся к XIII в. в городок (мадйна); когда прекратилась его жизнь, мы не знаем. Для сравнения можно привести ряд аналогичных названий храмов, засвидетельствованных в армянских текстах, такие, как, например, «Обитель Анахиты» (mehean anahtakan) и «Обитель Митры» (Mṛhakan mehean). Два других храма, посвященные тому же божеству (Арта Вахиште), вероятно, находились один в районе Самарканда, другой — в районе Бухары, так как в этих районах известны два селения, носившие созвучные названия — Хушмйтан¹⁴. В свою очередь предложенная этимология названия хорезмийского с. Арсахушмйсан «Обитель (божества) Лучшей праведности» позволяет выдвинуть гипотезу (вполне, на наш взгляд, обоснованную), что в Хорезме на месте средневекового Арсахушмйсана стоял некогда храм, посвященный авестийскому божеству Арта Вахиште, хорезмийскому Арсахуш. Согласно зороастрийской традиции, храмовым праздничным днем считался день, название которого совпадало с названием месяца, и, следовательно, в Хорезме храмовый праздник Арта Вахишты должен был проводиться в третий день второго месяца хорезмийского календарного года, т. е. в весеннее время. В Согде дело обстояло иначе. Хорезмийскому месяцу арсахуш зороастрийского календаря соответствовал месяц, носивший у согдийцев название «хуризнич» (ʾwṛuznuš) — «(месяц) поклонения Солнцу». И следовательно, в этом месяце у согдийцев должно было отмечаться празднество, посвященное не Арта Вахиште, а богу Солнца, храмы которому стояли один в районе Насафа (совр. Карши), другой под Бухарой. Праздник бога Солнца, судя по аналогии с праздником Арта Вахишты, должен был приходиться на день, носивший одно название с месяцем. Этим днем был день Солнца (ʾwṛtṛwš) — 11-й день месяца хуризнич.

Как представляли себе божество Арта Вахишту в Средней Азии?

Об этом мы можем судить по кушанским монетам. На кушанских монетах Арта Вахишта изображается в виде женщины в такой же одежде, что и жрицы и богини в кушанском искусстве¹⁵ (платье с широкими рукавами, доходящими до локтей, обрисовывает пышную грудь богини; длинная юбка лежит складками вокруг ног). На одних монетах она си-

¹³ Деххуда, Персидский этимологический словарь (на персидском яз.), Тегеран, 1950, стр. 1084.

¹⁴ Идентификация названий «Артахушмйсан» и «Хушмйтан», учитывая особенности арабской графики и варианты первого из них, вполне допустима. Однако приходится считать с возможностью объяснения второго из них из тадж. *хуш* «хороший, приятный».

¹⁵ R. Göbl, Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Wiesbaden, 1967, Bd III, Taf. 1, № 14; Taf. 92, № 5, 6, 8.

дит, спустив ноги, на престоле с точеными в виде балясин опорами. Ее волосы причесаны на прямой пробор и собраны в узел на темени. Вокруг головы нимб. В правой, поднятой на уровень лица руке богиня держит плод граната или в согнутой в локте — инвестирующий знак — венчик с лентой. На других монетах женская фигура изображена стоя в трехчетвертном классическом повороте влево, голова в профиль. Опорная нога — левая, правая несколько отставлена. В правой руке, согнутой в локте, богиня держит рог изобилия с ветками какого-то растения или с гранатами — символом плодородия. Прическа и платье такие же, как у сидящей богини. Надпись «Ардахшо», рядом с изображением богини, не оставляет сомнения в том, кому оид принадлежит. По мнению К. В. Тревер, богиню Ардахшо изображает известная статуэтка (подвеска) из Хаита. Она же изображена на рельефе из Афрасиаба (городище древнего Самарканда) и на серебряном среднеазиатском блюде, хранящемся в Эрмитаже. Но вряд ли права К. В. Тревер, возводя имя Ардахшо к имени божества вод Вахшу (Охшо на кушанских монетах) и утверждая в связи с этим, что культ богини был распространен в Тохаристане¹⁶. Для таких выводов у нас пока оснований нет. Действительно, ее почитали кушаны, о чем свидетельствуют их монеты. Ее храм стоял в Хорезме. Еще один находился близ Бухары, другой — в районе Самарканда. Эти храмы, носившие имя богини, само ее имя в календарных категориях Хорезма и Согда, ее изображения на кушанских монетах — все это свидетельствует, что культ богини был широко распространен в Средней Азии и за ее пределами. Какими были храмовые монументальные изображения богини Арта Вахишты, кушанской Ардахшо, сказать трудно. Можно предполагать, что изображения на монетах воспроизводят храмовые. Возможно, статуэтки богини удастся выделить среди женских терракотовых фигурок из Хорезма, богатая коллекция которых собрана Хорезмской экспедицией.

Точное местонахождение хорезмийского Арсахушмисана неизвестно. Арабские географы помещают его между тогдашней столицей Хорезма Касом и Джурджанией (Гурганжем), считавшейся вторым по величине после Каса городом Хорезма. Согласно Истахри, от Каса до Джурджании было три почтовые станции: от Каса до Арсахушмисана, от Арсахушмисана до Навзара, от последнего до Джурджании. По данным позднейших авторов — Хамдаллаха Казвини и Хаджи Хальфа, между Арсахушмисаном и Джурджанией считалось 14 фарсахов (6 до Андарастана, 2 до Навзара и 6 до Гурганджа) по тракту из Джурджании в Мерв, т. е. по одному из важных торговых путей раннего средневековья (фарсах — мера длины, равная 7—8 км, в зависимости от местности)¹⁷.

Согласно одному из дошедших до нас списков записки Ибн-Фадлана, Арсахушмисан стоял на берегу реки (Сырдарья), так как к нему можно было проехать водным путем, причем расстояние до него по реке было более 15 фарсахов, а «обычный путь по суше» меньше. Эти сведения соответствуют маршрутным данным географов, приведенным выше. В. В. Бартольд отождествлял Арсахушмисан с современным Ходжейли. Против такого отождествления возражал А. П. Ковалевский. По его мнению в начале X в. Арсахушмисан был небольшим селением. Однако Истахри называет его городом (майна), т. е. относит его к числу таких населенных пунктов, как главный город Хорезма Кас и Джурджания. По словам Ибн-Фадлана, совершившего свое путешествие на Волгу в 921—922 гг., Арсахушмисан был поместьем аббасидского визира

¹⁶ К. В. Тревер, Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). К вопросу о кушанском пантеоне, «Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II (1), М.—Л., 1958, стр. 120—146.

¹⁷ В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 211.

Ибн ал-Фурата (855—924 гг.). После же разжалования последнего оно было конфисковано в казну¹⁸. Иакут, побывавший в Арсахушмйсане в 1219—1220 гг., пишет, что это крупный город с оживленными рынками, большим количеством местных товаров и состоятельным населением. Он сравнивает его по величине с Нисибином, но считает, что Арсахушмйсан был более населен и благоустроен. Расстояние между ним и главным городом Хорезма Қасом Иакут определяет в три дня пути¹⁹.

Вот все, что мы знаем об Арсахушмйсане. Где именно находился город и где стоял в нем храм богине — покровительнице города, имя которой последний носил, предстоит установить археологам. Судя по атрибутам богини, с которыми она изображалась на кушанских монетах, это было божество плодородия, несомненно игравшее важную роль в повседневной жизни земледельца, божество, связанное с почитанием вод, как и другое — авестийская богиня Арда Висура Анахита (Незапятнанная), согдийская Нахид (п'ууд), отождествляемая исследователями с богиней Нано (Nāno) в надписях на кушанских монетах, Нана (np-) — на согдийских. Храмы Анахиты, судя по их описанию в Авесте, должны были стоять у водных истоков²⁰. Таково же было, надо думать, местоположение храма Арта Вахишты в Хорезме²¹, и остатки храма покровительницы хорезмийского города, как и самого города, следует искать на левом берегу р. Сырдарья у начала одного из ее рукавов или каналов.

2. Урмитан — так сейчас называется одно из селений северного Таджикистана в верховьях р. Зеравшан в Фальгаре, древнем согдийском «Нагорье» (pγūh). В источниках, насколько мне известно, название «Урмитана» не встречается раньше XVI в., хотя, судя по археологическим данным, селение принадлежит к числу древнейших поселений края.

Название верхнезеравшанского с. Урмитан, как и хорезмийского Арсахушмйсан, принадлежит к топонимам, образованным иранским компонентом мйсан/мйтан («обитель, жильё»). Первая его часть несомненно восходит к древнеиранскому прилагательному voicu («просторный, широкий»), а все название в целом — к не засвидетельствованному в текстах древнеиранскому *voicu. paēdāna (дословно «просторная обитель, жилище»), сохранившемуся в современном верхнезеравшанском топониме Урмитан.

Нам уже приходилось отмечать тождество компонентов (первых) названий селения Урмитан и полулегендарной страны (каршвара) Voicu. jaraštī в Авесте²². В связи с этим наблюдением известный интерес представит и следующее. У местного населения по сей день зеравшанские горы между верховьями Кашкадарья и рекой Могиён (собственно «Лунная») носят название «Кухи Сиём», т. е. «Горы (или гора) Сиём»²³. Кешские (кашкадарьинские) горы Сиам (Сиём) упоминаются у арабских географов, в сочинениях которых их название, как правило, искажено переписчиками в Санама и в этом варианте зафиксировано в изданных текстах²⁴. Упоминает в своих стихах горы Сиам (тадж. Кухи Сиём) и известный таджикский поэт Рудаки. Их название до сих пор не привлекало к себе внимание исследователей, а между тем оно, как мы постарались показать в свое время, восходит, вероятнее всего, к древне-

¹⁸ А. П. Ковалевский, Указ. раб., стр. 163 (комментарий 26).

¹⁹ Jā qūt ibn 'Abdallāh, Kitāb mu'jam al-buldān, Bd. I, Leipzig, 1866, S. 191.

²⁰ К. В. Тревер, К вопросу о храмах богини Анахиты в сасанидском Иране, «Тр. Гос. Эрмитажа», т. X (7), стр. 49.

²¹ На кушанских монетах богини Архадашо и Нано изображены с разными атрибутами.

²² О. И. Смирнова, Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана, стр. 60 (об этимологии названия см. там же).

²³ Записано автором летом 1948 г. со слов жителей с. Могиён.

²⁴ См. В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 188.

иранскому *Syama'ka*- «Черные (горы)» — названию горной гряды в Авесте²⁵. Тождество названий кешских и авестийских гор, так же как и древнеиранское происхождение названия зеравшанского с. Урмитан, вряд ли можно считать случайным. Вероятнее всего, оно связано с определенным кругом древних религиозных представлений, отражающих мифы Авесты и ее географию.

Авестийское прилагательное *vougu-* кроме вышеприведенного названия каршвара *Vougu.jaḡəšti* встречается в Авесте в следующих лексических сочетаниях: *Vouru. barašti* — название еще одного каршвара²⁶, *Vouru. Kaša* «С просторными бухтами» — название моря (*zḡayah*)²⁷ и *vougu.gaoyaotay* — «просторное место, цветущая резиденция»²⁸. Третье из них, *vougu.gaoyaotay* «просторное место», относится в Авесте только к месту пребывания Митры, одного из главных божеств древнеиранского пантеона. Но тогда, возможно, и верхнезеравшанское Урмитан «Просторная обитель» было в свое время названием храма, посвященного Митре? Быть может, здесь, в Зеравшанских горах, где-то вблизи современного Урмитана или на его месте, стоял некогда храм, посвященный Митре или находилось его святилище, его изображение. Допустимость такого предположения подтверждается былым значением Урмитана.

Современное с. Урмитан, бывшая резиденция правителя Фальгара, раскинулось на крутом правом берегу Зеравшана, над обширной его поймой. В давнем прошлом, в первые века нашей эры, здесь, как и позже, проходил один из путей из стран Запада в Китай, по которому шли караваны из Самарканда, направляясь по Зеравшану в Алайскую долину и далее на Кашгар и Турфан. О былом значении Урмитана свидетельствуют разновременные памятники, сохранившиеся в селении и в его ближайших окрестностях. Но где именно находилось святилище, мы не знаем. Можно предположить, что оно высилось над рекой. На высоком, обрывистом берегу реки проступает стена мощного сооружения, некогда господствовавшего над окрестностями. Его остатки перекрыты старым кладбищем, не менее трех слоев захоронений которого хорошо прослеживаются вдоль пролегающей здесь сельской дороги. Ниже, на береговой круче, стоит мазар X в., свидетельствующий о преемственной святости этих мест. Если древнее святилище находилось здесь, если здесь стоял храм или высилось изображение божества, они должны были быть всем видны издали, как то требовалось древним культом богов. В истории Самарканда, известной в научном обиходе под названием Кандни, рассказывается, что в доисламском Самарканде стоял идол (бут), высившийся над городом, и все подходившие к городу могли видеть его издали; уходившие шли пятясь, пока не теряли его из виду.

Древнеиранского бога Митру согдийцы почитали как бога творений (*δ'm'uytuh 'mufu* в согдийском). Его имя вместе с именем верховного зороастрийского божества Ормузда-Творца вошло у согдийцев в формулу клятвы как имя божества — блюстителя договора и верности²⁹. Вошло оно равно и в согдийскую ономастику³⁰, и в согдийские кален-

²⁵ Bartholomae, Указ. раб., стл. 1631. Соображения автора статьи относительно возможного происхождения зеравшанского горонима Кухи Сиём были доложены на заседании Иранского кабинета ЛО ИВ АН СССР, посвященном памяти Е. А. Бертельса 19 октября 1968 г.

²⁶ Bartholomae, Указ. раб., стл. 1430.

²⁷ Там же, стл. 1429.

²⁸ Там же, стл. 1430; «*Vouru. gaoyaotay*», Adj. 'der weite Weidtländer', 'Fluren besitzt (und verschafft)' nur von Miḡra».

²⁹ I. Gershevitch, The Sogdian word for «advice» and some Mur documents, «Central Asiatic Journal», vol. VII, № 2, 1962, p. 83—95; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1963, стр. 42; W. B. Henning, A Sogdian God, «Bulletin of the School of Oriental studies», vol. XXVIII, part 2, London, 1965, p. 249—250.

³⁰ W. B. Henning, Sogdica. p. 6 (фрагмент V, стрк. I).

Таким образом, мы приходим к заключению, что в орнаменте паря получил отражение набор украшений мордовского женского костюма, прослеживаемый по материалам могильников I—XVII вв. и по этнографическим памятникам XVIII—XX вв.

Этот вывод подтверждается и анализом резьбы на донцах мордовских прялок, наиболее интересные образцы которой найдены пока только в селах Крапивка, Атингеево, Иванцево, Печи. В верхней части каждого донца изображены нагрудные украшения, а на крапивском (рис. 4) — весь костюм с вышивками по плечам и подолу, с нагрудными украшениями. Схемы последних довольно точно воспроизводят украшения, бытовавшие в названных селах в XIX в.

Донце, гребень, парь, ткацкий стан — предметы, с которыми постоянно имела дело мордовская женщина. Поэтому вполне возможна связь резных изображений с орнаментом на некоторых обрядовых костюмах.

В результате просмотра коллекций Государственного музея этнографии народов СССР по народам Поволжья (Чувашская АССР) и прилегающих областей с русским населением мы пришли к выводу, что изображение украшений, костюмов, вышивок на предметах обихода было распространено, в основном, у мордвы и окружающих ее народов.
